

Людмила Старшинова

Мои истоки

Часть 1

Людмила Старшинова

Мои истоки. Часть 1

«Издательские решения»

Старшинова Л.

Мои истоки. Часть 1 / Л. Старшинова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856214-3

Произведение охватывает несколько сот лет и описывает жизнь нескольких поколений семьи. Рассказывает о переплетениях судеб, о разных периодах истории семьи и страны.

ISBN 978-5-44-856214-3

© Старшинова Л.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Мои истоки

Часть 1

Людмила Старшинова

© Людмила Старшинова, 2019

ISBN 978-5-4485-6214-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

*Шелест платья, лёгкий звук шагов,
Промелькнула тень в мерцание свечек.
Это, возвращается из снов Память.
Дарит благодатные встречи.
С тем далёким, что пройдя сквозь тьму,
Всё тревожит Душу. И стенание
Оголяет память, полутьму,
Пролетевших дней. Воспоминания...*

Л. Старшинова

Всем моим предшественницам посвящаю

Глава 1

Лукерья родилась в большой и дружной семье. «Какая красивая девочка» – говорили все, кому показывали ребёнка. Она была папиной гордостью. Папенька давно ждал дочку, и наконец, у него появилось это сокровище. По роду занятия отец был и промышленником, и купцом, имея сахарный завод, поля и сады. Ездил много по разным губерниям и городам в поисках сбыта. Каждый раз из поездки, он привозил много подарков для семьи и для своего сокровища. Наряжали девочку, как принцессу. Она и была похожа на принцессу из сказки. Большие серо-зелёные глаза, светло – пепельные волосы – все в кудряшках. Сама – справненькая и такая ровненькая. Немного вздёрнутый кверху носик вовсе её не портил, а придавал детского очарования. Пухленькие розовое щёчки. А улыбка... Словно солнышко вышло из-за тучки в пасмурный день. Папенька с маменькой в ней души не чаяли. Вся челядь боготворила. Росла Лушенька в любви и заботе. Зимой любила кататься с горок на санках, в санях запряженных лошадкой, купленной специально для своего сокровища папенькой. С измальства любила она зиму, когда, сидя у горячей печки, старая нянька рассказывала разные сказки и истории. За окном стужа, а в комнате – тепло и уютно. Потрескивает огонь в печи, напевая волшебную песню, а на стекле мороз нарисовал сказочные узоры. Любила, когда на исходе зимы, вдруг, в ночь выпадал чистый первозданный снег, и всё сразу превращалось в сверкающую сказку. Мягкая, словно меховая шубка, одёжка укрывала деревья и кусты, и было здорово, если выходило солнце. Оно сначала превращало всё в сверкающую сказку, а потом растапливало эту всю красоту и... Весна брала верх! Любила, когда среди вьюги ночью будило курлыкание журавлей и тогда было понятно, что весна – не за горами. Любила Лушенька весну с буйством нежных красок, когда листва начинает переливаться изумрудным блеском на солнце. Небо становится лазурным, и прилетают птицы. Ей нравилось, когда распускались молоденькие листочки, когда начинали иначе щебетать птицы, когда кругом бежали ручьи, наполняя сердце какой-то неповторимой радостью. И всё ж Зиму она любила больше. Она казалась ей более величавой и торжественной. Лето. На лето детей отправляли в имение в Воронежской губернии, где был у них огромный дом с садом, кормившим пол-Москвы яблоками, грушами, вишней и разной смородой. Там же располагалась огромная пасека, бесконечные поля с сахарной свёклой, подсолнечником, и бахчи, на которых зрели арбузы и дыни. Папенька часто приезжал в имение, так как почти всё летнее время проводил на сахарном заводе, принадлежавшем их семье. Лето было, пожалуй, самым любимым временем года. Лето она любила даже больше зимы. Весело гулять в сопровождении своих старших братьев, скучно – с вечно заспанной немкой-гувернанткой. С раннего возраста детей в семье учили языкам разным, а немецкий давали,

как родной. Но летом все занятия уходили в небытие, и дети наслаждались природой и играми. Гувернантка хоть и не любила деревню, но беспрекословно следовала за барами. Шаловливыми слыли братья, любили подразнить гувернантку, позабавиться с деревенским мальцами, которых подпускали к барчукам для игр. То лягушку поймают, то мышку... и обязательно напугают гувернантку, а потом потешаются, как она кричит от страха: «Нихт, ниht!» Девочка же жалела всех и мышку, и лягушку, и даже гувернантку. Жаловалась маменьке на мальчишек, а они её за это дразнили ябедой. Только обиду девонька в себя не впускала, и на дразнилки не отвечала. Летом в деревне – раздолье. Дома в Москве, то учителя, то профессора мучают науками, то танцы преподают, то пение, то игру на фортепьяно. Всё по часам, всё последовательно, а летом в деревне – благодать. Только пение да фортепьяно, и всё – в радость. Любила Луша осень за буйство красок. Золотые, пурпурные, бордовые краски, переливаясь на солнце, радуют Душу. Хоть и хорошо лето, но осень – время возвращения в Москву. Москву Лушенька любила несмотря ни на что, и очень скучала по ней летом. Вот так пролетали годы. Взрослела Лукерья. Пятнадцать лет исполнилось, как-то быстро. Красивая девочка превратилась в прекрасную девушку. Это лето для Лукерьи стало незабываемым и переломным. Первый раз уехали они в имение без любимой няни, занемогла она, в Москве осталась. Как же не хватало девушке нянюшки. Приставили к Лушеньке девку дворовую из местных. Лёнка оказалась аккуратной во всех отношениях, честной и верной. Очень быстро привыкла Лушенька к Лёнке. Весело им было. Ходили на речку, в поле по ягоды. А как любила Лукерья послушать песни местных девушек. Матушка распорядилась, девкам петь при сборе ягод. Когда поют – меньше в рот ягод кладут, и быстрее наполняются корзины. Вот, они и голосили на всю округу. А Луша слушала и подпевала. Голос у неё был звонкий, высокий. Иногда в сопровождении Лёнки Лушенька ходила на сбор ягод. Нравилась ей эта работа, нравилось заполнять корзинку ягодами, а иногда срывать сочные ягоды и отправлять их в рот, который сразу наполнялся соком и ароматом. Ходили девушки по вечерам смотреть закат на речке. Когда величественное солнце в одну секунду скрывалось за горизонтом и округа погружалась в сумрак, в котором они потом брели домой, слушая ночные звуки. Гуляли по полям, собирая букеты цветов, отмахиваясь от назойливых слепней и оводьёв. Но чаще Луша читала, удобно расположившись в кресле, специально установленном в саду, а иногда читая на ходу. Так пролетало лето. Однажды, прогуливаясь по саду с книжкой, она увидела вдалеке, гарцующего на коне юношу. Он был красив и статен, но одет, как простолюдин. Глаза их встретились, и искра пробежала между ними. Стрела любви ранила их сердца. Целый месяц они наблюдали друг за другом издалека. Для юноши было страшно приблизиться к барышне, а девушка боялась, что братья, заметив интерес простого юноши, не только прогонят, но и побьют его. Разузнав о парне, Лёнка рассказала Лушеньке всё. Рассказала, что он сирота, а родители погибли в пожаре, что его и двух его младших братьев вырастила община староверов, и даже дом для них построили, взамен сгоревшего. Всем миром сообща подняли хозяйство, оставшееся после гибели родителей. Парень вырос работящим и умным. Сначала, помогал работой, всем кто попросит, а потом пристроили его к местному священнику. Там и грамоту выучил. Любили парня в общине, и жил он со всеми в любви и уважении. Как обрадовалась Лукерья, когда узнала, что Дмитрий, так звали юношу, знает грамоту. Не без помощи Лёнки, между молодыми людьми началась переписка. Чувство разгоралось между Лушенькой и Дмитрием, как костёр. Однако, это была только переписка, а встретится им так пока и не довелось. Всё срывалась их встреча. То папенька устроит гульбище для всего честного народа, то маменька придумает какие-нибудь посиделки с девками и бабами местными до первых петухов. Но, вот, однажды в лунную ночь, когда спали все из семьи, Лукерья решила выйти к дорогому сердцу юноше. Какое это было счастье! Первое прикосновение его руки. «Он рядом» – стучало её сердечко. «Она рядом» – стучало его сердце. Так держась за руки, просидели до рассвета. Ангелы соединились и хранили их в эту ночь. Никто не потревожил влюблённую пару. Утром, вернувшись домой, коснувшись

головой подушки, Лушенька провалилась в блаженство сна. Сколько было таких ночей за прошедшее лето? Их можно было сосчитать на пальцах одной руки. Бережно относился Димушка к своей Лукерьюшке. Он боялся сделать какое либо резкое движение. Как можно было обидеть этакое создание? Строгое воспитание общины давало о себе знать. «Она – Ангел, Ангел» – думал парень. «Он – Ангел, Ангел» – думала девушка. Дни пролетали в мечтаниях о встрече. А встречи – словно мгновения. Быстро в этот год пролетело лето. Девушка, как могла, оттягивала отъезд в Москву. Но наступил тот последний день, когда нужно было, прощаться на целую вечность. Слезы застилали прекрасные глаза, а он стоял вдалеке, и наблюдал за отъездом любимой. Душа кричала: «Я вырвусь к тебе, родная, увидеть хоть одним глазком, а потом будь, что будет»

ГЛАВА 2

Долга дорога в Москву, сколько мыслей, сколько беззвучных рыданий в Душе Лушеньки было за эту дорогу. Даже краски осени не радовали девушку. А осень в тот год стояла знатная. Тёплые денёчки и холодные ночи надели на деревья пышное богатое одеяние. За окном кареты пронеслись ровные поля с озимыми, золотые с яркими пятнами красного и зелёного полоски перелесков. Погода стояла на зависть. Думы девушки были радостно-томительными. В голове рождался один план за другим, и всё про то, как она наконец-то будет рядом с Дмитрием. За раздумьями летели версты. Приехали. Вот, и – Москва. Комната – такая пустая, холодная, несмотря на то, что с любовью протоплена старой няней, а все вещи, некогда радовавшие взор, стали неинтересны. Только взглянула няня на свою голубушку, сразу поняла – Любовь. Не стала докучать вопросами, поняла, что рано или поздно всё равно расскажет. Рассказала. Первой же ночью, когда, как всегда, нянька пришла укладывать спать свою голубушку. «Милая, родная, только не говори маменьке, она папеньке расскажет, и я никогда не увижу своего сокола» – всхлипывала Лушенька. «Маменька – строгая, а папенька ещё строже. В солдаты забрить может Димушку моего». Боялась и уважала родителей Лукерья, а, вот, сильной любви к ним она не испытывала. Это очень смущало её. Богобоязненная, девушка не могла простить себе, того, что мало любви у неё к родителям. Папенька. В чём виноват папенька? Ведь он так любит свою Лушеньку. Лушенька же боится, и уважает этого огромного, как глыба человека. Он хоть и не очень высок ростом, но занимает собой всё пространство вокруг, громогласен и суров. Он ведь её... никогда не ругал. Даже голос становился каким-то тихим и ласковым, когда папенька разговаривал с доченькой. Маменька. Маменька – маленькая, но властная женщина, она всегда была недосыгаемой для Лушеньки. Она – как звёздочки. Они красивые, яркие, но не греют, как солнышко. Так хочется дотянуться до них, но так холодны и далеки они. Вот, няня – это солнышко, которое греет и ласкает, всегда защищает и понимает. И сейчас, всё поняла старая няня, а как помочь своей голубушке не знала.

Вместе с Лукерьей приехала в Москву и Лёнка. Для Лёнки это было подарком. Девушка растерялась в этой роскоши. Дом в усадьбе был хорош, но какое богатство было в Москве... Растерялась Лёнка и от того, что сразу справили ей новый гардероб и от бережного отношения к ней её барышни. Как гордилась она новыми платьями, ботиночками и тулупчиком с шапочкой. А какие платки подарила ей её любимая Лушенька. Только старая нянька смотрела на Лёнку строго, и каждый раз поучала, то не так, это не эдак. Но Лёнка – девка – понятливая, не злилась, а училась уму-разуму. Отношения среди дворовых складывались мирно. Раздоров не допускали. Если случались, то гнали скандалиста в три шеи. Всем заправляла старая нянька. Управляющий тоже был, но и он отчего-то слушал распоряжения, которые давала няня. Была эта нянька дальней родственницей Лушенькиного папеньки. Её не боялись, а уважали. Даже барыня прислушивалась к её советам.

ГЛАВА 3

Размеренно текли дни в Москве. Девушки, вспоминая прошедшее лето, затягивали полюбившуюся песню, а какие узоры получались, когда вышивали под песни. Вышивка ложилась ровно и красиво: то букет незабудок с ближнего ручья, то курица с цыплятами, а рядом петух красуется. Уж очень красивыми получались у Лушеньки полотенца и платочки. Все красочные весёлые, так и хочется утереть им лицо. Вышивая, думала она о своём ненаглядном. Даже рубаху начала вышивать сшитую специально для Димитрия. Было у девушек и чисто московское развлечение. Прогулки по Москве, с заходом в мелочные лавки. Лушенька непременно брала Лёнку с собой на прогулку. Лёнке казалось, что все парни смотрят на них, когда они прогуливаются по Московским улицам. Только не жаловала нянька прогулки эти. Всегда была рядом и начеку. За мелкими хлопотами промчалась осень с затяжными дождями, тёмными вечерами и невыносимо длинными ночами. Ничего не развлекало девушку. Таяла от тоски она. На глазах таяла. Приходил лекарь, но не определил болезнь. Сказал, что нужно больше кушать и гулять, прописал настой, и ушел. Родителям невдомёк, о сути болезни. Поздняя осень, от погоды грустно. Вот бы снежок покрыл землю. Сразу Земля преобразилась бы. А там и Рождество – не за горами. Хлопоты приятные, связанные с Рождеством, хоть какое-то – развлечение. Все в доме любили этот праздник и подготовку к нему, поэтому и ждали, хоть и предшествовал празднику менее строгий пост. Только ничего не радовало девушку, и была она вся в думах о своём любимом. Всё думала, как отправить весточку. Так в раздумьях встретила она зиму. Первый снег выпал, укрыл землю, и так и остался лежать. Не раскисло, не оттаяло, а мороз сразу установился крепкий. И, вот, оно – счастье. Папенька снарядил обоз в завод. Несмотря на интерес подготовки к праздникам в Москве, всё ж отпросилась Лёнка домой в деревню. Очень ей хотелось праздники провести с семьёй, да и барышне помочь даже хотелось. Только молчала Лёнка о последнем, когда отпрашивалась домой у барыни. Отпустила барыня домой горничную дочери, несмотря на недомогание Лушеньки. Как узнала Лукерья про поездку Лёнки, сразу повеселела. Ожила даже. В лавках закупили девушки для Лёнкиной семьи гостинцев: пряников, жамок, конфет. Вместе ж ходили и подарки выбирать. Всем по маленькому сувениру купили. Даже маменька не могла нарадоваться на дочь: «Ожила наша павушка!» Первое рождество такое у Лёнки случается, когда привезёт она столько замечательных подарков. Хлопотала, и торопилась Лёнка домой. А дома – братья и сестрички мал-мала меньше. Старшая она в семье была, а всего их – семь. Как рвалась она из тесной Москвы на деревенские просторы. Так хотелось поскорее оказаться дома.

Как только встали морозы, по распоряжению папеньки двинулись с обозом, который при хорошем стечении обстоятельств, аккуратно к Сочельнику, должен прибыть к месту. Дальней кажется зимняя дорога. Версты и постоялые дворы, ветер и вьюга завывает в полях, падающий хлопьями снег, уже не радует. Хочется в тепло на горячую печку залечь, и не высовывать носа. Ах, как далеко от Москвы её дом, почитай пятьсот вёрст. Но Лёнка не отчаивалась, стойчески переносила трудную дорогу. Много разных впечатлений получила Лёнка от этой зимней дороги. Вот и дом уже недалече. Обоз прибыл в завод раньше срока. Любил папенька Лукерья брат на работы в заводе работников из старообрядческих общин. Честные, работающие, без вредных привычек, чем не работники. Мужики из общины каждую неделю приезжали на работу в заводе, а вечером в субботу возвращались домой. Один у них был выходной – воскресенье. Всё чин по чину. С ними и поехала Лёнка домой. Неделя была предпраздничная, приближалось Рождество, и работников распустили на Праздник. Несмотря на пост, на скромный вечерок пришли все соседи. А Лёнка в новых нарядах просто светилась. Так хороша была, что даже бабы не могли налюбоваться на красоту этакую. Пришел с родителями и сосед Минька. Давно посматривал он на Лёнку, но стеснительный был, чувства свои не выказывал.

А Лёнка была так горда, что где рассмотреть эти скрытые вздохи. Да и нравились ей ребята постарше. Не замечала она Миньку. Не нарадуются родители на свою старшенькую хлопотунью. Вот, так встретили Лёнку дома! Строгая была неделя, без плясок и пения прошла встреча. Но Лёнка не отчаивалась, скоро – Сочельник и Колядки, тогда напоятся и напляшутся.

Лёнка твердо помнила, наказ Лукерьи, сразу отдать письмо Димитрию. Рано утром пошла она к дому Димитрия, а дом закрыт. Снегу вокруг навалило, давно не чистили. Стала девушка узнавать, что да как. У родителей спросить нельзя, заподозрят неладное. Так из разных источников, осторожно выведала. Община решила: «Достоин их Отец Макарий повышения в Москве». Выбрали сбором нового священника, и уехал Отец Макарий в Москву, взяв с собой Димитрия, помочь Макарию с семьёй устроиться на месте нового прихода, да и в делах помочь первое время. Отвёл братьёв Димитрий к родственникам, обещал забрать, в скорости, как устроится. Огорчилась Лёнка, что не удалось поручение барышни исполнить, но порадовалась за Лушеньку, что милый близёхонько от неё жить теперь будет, Бог даст встретятся влюблённые вскорости. Праздники промчались быстро и весело. Пора и в Москву собираться, обоз уже готов к отбытию. Тем же манером вернулась Лёнка к обозу, и с ним пустилась в путешествие обратно в Москву. Дорога в Москву уже не такой скучной и длинной показалась Лёнке. С лёгким сердцем отпустили родители Лёнку, радовались, что удачно жизнь у дочки складывается. Ещё радовались, что не будет она там без надзора. Со священником и старые монашки уехали в Москву, они-то и присмотрят за девкой, не позволят баловства, и если что направят на путь истинный. Лёнке родители строго наказали следовать всем обычаям, и не отгораживаться от общины. Строги были обычаи общины, поэтому люди в ней были дисциплинированные, надёжные, честные, рассудительные и работающие.

В Москве Рождество праздновали широко. Большие званые обеды, ужины, приёмы, маскарады. Дети в семье Лушеньки не участвовали в приготовлениях и украшениях ёлки к празднику. Наряженная елка с подарками для них было каждый раз Чудом. Все ждали этот благодатный праздник. Готовились к нему загодя. В некоторых богатых семьях был обычай заготавливать особое тесто для выпечки пряников. Конечно, они продавались в хлебных лавках, любые на вкус. Не выделялась и семья Лушеньки. Рождественские пряники были в семье Лукерьи особым лакомством. Каждый раз по-чину под руководством старой няньки замешивалось особое тесто. Формы для рождественских пряников были старыми, и хранились спокон веку в семье. Потом пряники разукрашивались разными сладостями орехами, помадками разных цветов. Красивыми выходили пряники из рук Лушеньки. С детства любила Лушенька это действо. Откуда пришёл этот обычай в семью никто не помнил, но строго следовали ему. Потом взрослые развешивали пряники, козюли, орехи, обернутые в блестящие бумажки, яблоки на нижние ветки ёлки. Так же клали пряники в подарочные бонбоньерки. Так назывались атласные яркие мешочки с картонным дном, перевязанные сверху лентой. Потом раздавали эти подарки. За Рождеством следовали Святки с гуляньями, с катанием на лошадях в широких санях, раскрашенных разноцветными лентами. А на Святки такие, как Лушенька, девушки обязательно гадали на суженого-ряженного. Приготовление к Рождеству немного развеяли тоску Лукерьи, да скорый приезд Лёнки, так же придавал празднику смысл. Обоз прибыл на последней святой неделе, аккурат к Сочельнику перед Крещением. Увидев Лёнку, Лукерья бросилась ей навстречу. «Милая, дорогая моя подруженька! Как добрались, как дела» – подмигнув Лёнке, спросила Лушенька. А та розовощёкая, с горящими глазами, ну, обнимать, и целовать милую барышню, шепнула на ушко: «Всё – очень хорошо!». Маменька потребовала отчет с Лёнки, и попросила её к себе с докладом. Долго выпрашивала, что да как. Лёнка всё подробно ей рассказывала. Барыне понравилось это, и умиротворенная рассказами Лёнки, пошла, отдавать последние указания перед Праздником. Вся эта процедура показалась Лукерье вечностью. Девушка была хорошо воспитана, дала возможность переодеться, покушать и отдохнуть приехавшей Лёнке. Не мучила её расспросами. Когда всё в доме утихло после

приезда обоза, девушки сели в комнате Лукерьи, и тут уж Лёнка начала свой рассказ. Рассказала всё подробно и заверила, что теперь уж найдёт здесь в Москве Димитрия.

А что же наш красавец? Что с ним-то происходило всё это время? Да, красив был парень. Косая сажень в плечах, высок, со светлыми, словно скошенная пшеница волосами, а глаза, что те васильки мелькают в полях, черты лица нежные, немного девичьи, но не портило это его. Проводив свою принцессу, загрустил наш Димитрий. Но работу не забросил. За работой и время бежало быстрее. Мысли всё время вращались вокруг любимой, и думы все были о ней голубушке ненаглядной. Так в работе и раздумьях пронеслось несколько месяцев. Ничего не придумал парень. Видимо мечта, увидеть суженую, была настолько искренней, что все дела начали складываться в его пользу. И новое назначение его покровителя, и приглашение Димитрию поехать с ним в Москву, были парню на руку. С радостью принял Димитрий предложение Макария. Тётка (двоюродная сестра) отца без сожалений взяла мальчишек к себе, где пятеро, там и двум приёмьшам место найдётся, не чужие всё ж таки. Отпустила тётка старшенького в Москву. Всё сложилось, как нельзя лучше. Никогда ещё не уезжал так далеко от дома Димитрий. Ездил с Макарием в Воронеж, а в Москве быть не довелось. Сколько радостных мыслей роилось в голове у юноши. Только, вот, непристойностей он не допускал даже и в мыслях. Думал, как устроиться, чтобы всем хорошо было. Страх представляли только думы, о том, что не может дать такой роскоши своей голубушке, к которой она привыкла жить у папеньки. Да и сам папенька Лукерьи вызывал у парня бурю страха. Не отдаст он за «чужого» и бедного своё сокровище. Это всё никак не выходило у него из головы. Но гнал он мысли эти подальше. Всё надеялся на лучшее. Вот, уже и вещи собраны, лошади готовы, заплаканные братья и тётка целуют... Димитрий, смахнув скупую мужскую слезу, поцеловав родных, отбыл в Москву. До Воронежа добирались несколько суток по раскисшим осенним дорогам. Ох уж эти дороги черноземья. Завязшие повозки можно сутки вытаскивать из ухаб. Только наши путники добрались без приключений. Ангелы Хранители, как сказал Макарий, помогли. Вот и – Воронеж, вокзал железнодорожный. Никогда ещё не видел Димитрий железной дороги. Паровоз произвел на путешественников неизгладимое впечатление. Долго, сидя в вагоне, они обсуждали удобство такого транспорта. Макарий был, хоть и священник, но прогрессивной личностью. Ко всему у него был свой особый подход. Недёшево для общины обошлось это их путешествие, однако время требовало скорейшего прибытия Макария с семьёй в Москву, поэтому и двинулись в дорогу они по-разному, Макарий на паровозе, а обоз со скарбом и монашками пустился в дорогу, как обычно. Сначала мыслилось, что Димитрий отправится с обозом, чтобы всё было под надзором умного человека, но Макарий решил всё по-своему, взяв парня с собой, а к обозу приставили мужика из общины. Весело и быстро бежали вёрсты, отсчитывая минуты тук-тук-тук. Сердце вторило колёсам: «Скоро, скоро я увижу свою голубку». Но скоро не получилось.

Москва! «Какой же беспокойный город» – подумалось Димитрию. На вокзале все куда-то спешили, бежали, кричали носильщики: «Поберегись». Столько народу! Димитрий отродясь не видел такого. Сколько лошадей повозок, карет и упряжек. Какой разный народ! Парень образованный много разных книг прочитал, и про Москву читал и про Санкт Петербург, но когда увидел всё воочию, растерялся. Приехали в Москву вечером, многие улицы, по которым ехали путники, были освещены газовыми фонарями. Светло, как днём, и это произвело на парня и домочадцев Макария неизгладимое впечатление. Долго добирались они до Преображенской заставы. Наконец показалась церковь, а рядом с ней – их будущий дом. Подъехав к дому, где должен был обосноваться Макарий, и войдя в дом Димитрий удивился. Дом был небольшой снаружи, но очень вместительный внутри. Был он в два этажа добротный из красного кирпича. Их уже ждали и приняли радушно. Сразу отвели Димитрию во втором этаже маленькую, но уютную комнатку. Устроились все быстро, умывшись, скромно поужинали, и разошлись по комнатам. Лёг Димушка на кровать, и от усталости сразу провалился в сон.

Сон.

Летит он на коне по ветру, ветер развивает светлые волосы, и свистит в ушах. Кругом простор, красота, солнце греет ласково. Вдруг, конь встал, как вкопанный. Прямо перед ним стоит человек в черном саване с клюкой в руке, и этой клюкой преграждает ему дорогу. Мчался молодец на коне, не видел этого незнакомца на пути. Откуда взялся? Вырос из-под земли? Ни слова не говоря, не пускает старик дальше молодца. Конь мечется из стороны в сторону, но не может ни перескочить, ни объехать старца. Не видит лица старика, словно того у него нет, и слова вымолвить не может Димушка. Только страх разливается по всему телу и губы шевелятся беззвучно.

Проснулся Димитрий, аж сел в кровати. Сердце стучит молоточками, голова кружится, даже подташнивает. Головой крутит, встаёт и еле-еле подходит к окну, распахивает настежь. Холодный воздух, влетев в комнату, обжег лицо, приводя в чувства. Глянул Димитрий на печку, а затворка закрыта, видать рано закрыли затвор. Вот и угорел парень. Открыв задвижку, побежал вниз в комнату, расположенную под его комнатёнкой, печка-то одна на две комнаты. Забежал, увидел тихо посапывающих деток, глянул на затвор – та же оказия. Распахнул, открыл затворку, и начал будить детей. Разбудил, взяв на руки, поочерёдно подносил к распахнутому окну ничего не понимающих детишек, потом вывел их в залу. Когда понял, что всё позади, пошел в другие комнаты, но там ничего не вызвало беспокойства. Разбудил Димитрий Макария, попросил разрешения напоить деток молоком, и сам, с позволения, сделал несколько глотков. Матушка, запричитав, захлопотала. Так и не поняли случайность ли – это. Только Димитрий после этого случая стал героем!

Жизнь у Димитрия в Москве была хлопотливая, он много работал по хозяйству и в помощь Макарию. Приходилось писать разных бумаг, ездить с поручениями. Работы парень не боялся, одно заботило: «Встретиться бы с любимой». Стеснялся Димитрий спросить у Макария, где дом его ненаглядной. Так не хотелось раскрываться, да и причина тому была веская. Не хотел он раньше времени говорить о своей влюблённости. Отправляясь по поручениям, высматривал девушку на улице, а, вдруг, счастье улыбнётся, и он найдет её взглядом. Но – нет. Счастье будто отвернулось от него. Сон не шёл из головы. Гнал от себя мысли, и убеждал сам себя, что всё это – предрассудки и суеверие, которые так не поощряет Макарий. Не давал покоя сон, приснившийся первой московской ночью. А потом враз решил, что сон этот был в руку и разбудил его, чтобы спастись и спасти детей от угара. Что и говорить не по годам умный был парень. В трудах пролетел ещё один месяц. Наконец и Рождество приближается. Забот у Димитрия с Макарием прибавилось, да и обоз с монашками прибыл, начали готовиться к празднику. Ёлки привезли славные, ровные, густые. Лесные красавицы заняли огромное пространство, принесли с собой запах зимнего леса. Димитрий с домашними и монашками начали приготовления к празднику. Соорудили около храма Вертеп. Потянулись прихожане. Чаще, по разным поручениям Макария, Димитрий начал бывать в разных местах Москвы. И однажды, увидел свою ненаглядную Лушеньку. Забилось сердечко от радости такой, но сдержался, не выдал себя. Только проследил за ней, и довольный случившимся, с радостью выполнил все поручения. Теперь и солнце светило по-другому и даже воробьи чирикали иначе. А их множество собиралось на храмовом дворе, они суетились, дрались, чирикали. Счастье наполнило всё существо Димитрия, и Душа готова была взлететь. Далеко от дома Макария жила его Лукерьюшка. Но влюблённому разве это преграда? Часто вечерами, когда все в доме угомонятся, уходил Димушка пешком к дому возлюбленной. Часами стоял у ворот, пока не замерзнет, высматривая окошки любимой. Близко любимая, а нельзя проявиться. В ночи возвращался Димушка домой, всю дорогу в молитве, не боясь разбойников. Как сладок был тот короткий сон после прогулки. Утром, как ни в чем не бывало, приступал Димитрий к своим обязанностям.

Вот, и – Сочельник, а на завтра Рождество. Иначе, чем в доме Лукерьюшки отмечался этот день и сам праздник Рождества в общине. Было всё скромнее никакой помпезности,

но с великим чувством праздника в душах. Сожалел Димитрий, что не может, как обычно, побаловать братьёв подарками. Славно отпраздновали Праздник. И прихожан собралось много и служба прошла на диво скоро и споро. Начались Святки с широкими гуляньями в Москве. Однако гулянья мало коснулись общины. Такой размах гуляний Димитрий видел впервые. Всё его забавляло, но участвовать в гуляньях он остерегался. Как посмотрит на это Макарий? Вдруг, осудит, а то и в деревню прогонит. А этого парень не хотел. Издали посматривал на все развлечения, и всё думал, и прикидывал, как бы увидиться с Лушенькой ненаглядной.

Наконец, наступил Сочельник перед Крещением. Трудный выдался денёк. От вёдер с водой у Димушки ныла спина. Быстрей бы купанье, тогда и отпустит натруженную спину, разольётся тепло от обжигающей холодом воды. Взлетит Душа, и запоёт вместе с Ангелами. Любил Димитрий эти купания, несмотря на трескучий мороз. А зима стояла суровая, под тридцать выдалось Крещение. Таких морозов отродясь на родине у Димитрия не было. Река Хапиловка, протекавшая рядом, не широкая, но глубокая. В ней и устроена была Иордань-купель. Немного боязно нырять было в прорубь, но он, не показывая виду, окунулся три раза, и выпрыгнул обновлённый. Радость с гордостью окутали всё его существо. А потом весь праздник стал ПРАЗДНИКОМ.

Все московские люди принадлежащие общине собрались в этот день вместе. Пришла на праздник в общину и Лёнка. В руке держала заветную записку от Лукерьи. Надеюсь увидеть Димитрия, Лёнка крутила головой, чем вызвала недовольство окружающих: «Что, девка, крутишься, точно уж на сковородке, ведь не в аду ж ты». Присмирив, Лёнка увлеклась происходящим. Впервые она была на таком Празднике в таком скоплении народа. Женщины в лучших, но скромных нарядах, мужчины все – по-чину, в нарядных рубашках подпоясанных поясами. Торжественно вёл праздничную службу Макарий. А потом было угощение в трапезной, скромное, но Лёнке показалось самым вкусным, из того, что она когда либо пробовала. Угощение разносили девки и ребята, а руководил всем Димитрий. Поняла, что занят юноша, и окликнуть его, значит накликать беду, терпела, ждала, когда он сам к ней подойдёт. А Димитрий, увидев Лёнку, весь вспыхнул. Старая монашка увидела и прошептала: «Перекупался Димушка, кабы не заболел, выпей чайку, да медком закуси». Любили и жалели парня старушки, заботясь о нём, каждая пыталась угодить. И он ко всем был ласков и приветлив, для каждой находил слово, словно для матушки. Так и поглядывали молодые люди друг на друга издали. Наконец-то закончился Праздник, расходится начал люд, тут-то и передала записочку Лёнка. А Димитрий, сунув записку в карман, продолжал хлопотать. На славу удался праздник! Ночь на исходе. Разошелся люд. Оставшись наедине с записочкой, Димитрий прижался губами к заветному листку бумаги прежде, чем начал читать. Как ему дорог этот связывающий его с любимой заветный листочек бумаги, испещрённый каллиграфическим почерком любимой. Таким, вот, романтичным был этот паренёк. Только эти романтические поступки противоречили правилам воспитания в общине. Откуда такая романтичность, при такой нелёгкой судьбе? Он был наедине с собой, здесь не нужны притворства, он Любит, и любим. В чём здесь – грех? Наверно, жители обители найдут в чём. Но зачем об этом рассказывать, и показывать свои чувства? А как же честь, совесть и вера? Вера! Во что вера? Любовь! Она лечит все болезни; она выводит из всех испытаний, приготовленных судьбой; она всеобъемлющая, и если она есть, ничего не страшно. А как же вера? Вера! Вопрос – во что верить, часто посещал юношу. Даже однажды завязалась у него с Макарием на эту тему дискуссия. Не убедил его Макарий, остался Димитрий при своём мнении, что насторожило наставника. Вот, и сейчас он, в понимании единоверцев, совершает грех. Но, как же сладок этот грех. Вот, он заветный листочек, пахнущий его любимой.

«Дорогой мой, Димитрий! Истосковалось по тебе, родной, моё сердечко, аж занемогла я. Ничего не радует мой взор. Ты был так далеко, и я боялась никогда не увидеть тебя более. Никакие занятия не могли отвлечь меня от дум о тебе. Вышивая васильки, вспоминала твои глаза, рожь – пряди твоих шелковых волос. Как стосковалась по твоим письмам. Теперь я знаю,

что ты рядом, и радость наполняет всё моё существо. Грех великий – наша с тобой Любовь. Папенька с маменькой не отдадут меня за тебя. Даже подумать об этом страшно. Как поступить? Как найти выход из создавшегося положения? Лёнка – одна надежда. Я готова на всё, что позволит быть нам вместе. Навеки твоя Лукерья.»

Прочитав и поцеловав письмо, Димитрий сжег его в печке. Вытянувшись на узкой кровати, первый раз за всё время в Москве уснул он умиротворённый. А ночью опять снился сон, возможно вещей:

«Необъятное поле. Они с Лукерьей – по разные стороны этого поля. Вихрь подхватил, закружил, и они, вдруг, очутились в объятиях друг друга. Какое блаженство эти объятия, какая кругом красота. Но о чём беспокойство? Что за сила стоит за спиной? Оглянулся, опять тот же старик с клюкой. Прошёл между ними и пропал. Заплаканная Лукерья, будто слепая, ощупывает вокруг пространство, будто ищет кого-то. Димитрий кричит: „Я здесь, рядом!“ Обнимая, прижимает её. Лушенька затихла, перестала всхлипывать, и всё волнение улеглось. Только тревога осталась, тягучая, липкая, колючая, словно заноза.» С таким чувством проснулся Димитрий. Обязанности, хлопоты и заботы развеяли это чувство и Димитрий забылся. Сон он и есть сон, мало ли, что приснится. Забыл Димитрий про это сон, но на время. Другие думы волновали и занимали его воображение.

Жизнь со всеми её коварствами и превратностями парень знал не понаслышке. Реально понимал и оценивал весь трагизм событий случившейся любви. Всё – против влюблённых. Вера и Положение – главные преграды их счастья. Как найти ту золотую середину, чтобы судьба не обошла его стороной? Богатство папеньки Лукерьи не нужно было Димитрию, он привык отвечать за свою семью сам. Иллюзии насчёт приданного, он не питал. Какой хозяйкой будет Лукерья, его не беспокоило, потому что надеялся парень на свои силы и помощь братьёв. Но тут стоп. Братья маленькие. Им нужна женская забота. Вот, пусть о воспитании братьев и заботится Лушенька, а с хозяйством он справится. Может чему и обучит она братьев, в люди выбьются. Такие мысли вертелись в голове юноши, когда он размышлял о будущем. А ещё он думал, как бы встретиться с ненаглядной.

Письмо о своих чувствах, думах и сомнениях он написал, и спрятал до случая. Случай выдался очень скоро. Лёнка появилась в обители с просьбой передать подарки и весточку родителям. Сама же скоро забрала письмо, и удалилась, сунув записку, завернутую в платок, в руку Димитрию. Весь день платок грел Душу парню. Только в ночи, при свечах развернул он заветный платочек, бережно вышитый руками любимой. Ба, на нём васильки и ржаные колоски. Записка коротусенькая: «Очень хочется увидеть тебя милый, хоть одним глазком. Завтра буду гулять после обеда возле Сухаревской башни. Твоя Лукерья». Как выбраться? Что придумать, чтобы не вызвать подозрений? Обязанностей у Димитрия много, но все они в пределах обители. Как уйти, что сказать? Ничего не придумал юноша, справно нёс свои обязанности, вида не подал, что нервничает. А Лушенька не дождавшись любимого, расстроилась, и даже всплакнула на плече у Лёнки. Лёнка, чтобы её утешить стала рассказывать о строгих обычаях и жизни людей в обители. Как замороженная слушала рассказ Лушенька. А в голове стучало: «Ну и пусть трудно, ну и пусть строго, всё перенесу ради того, чтобы быть рядом с Димушкой». Для себя решила ограничить себя в развлечениях и нарядах. Больше стала уделять времени занятиям с учителями, приходившими обучать её наукам. Впитывала тонкости ведения хозяйства, постоянно задавая вопросы нянюшке. Нет, нет, да забежит на кухню покрутиться, и разведать рецепт понравившегося блюда. Нянька не нарадуется на свою любимицу. Взрослеет девушка. Справной хозяйкой будет, всё подмечает, всё запоминает. Даже барыне об этом рассказала. А та свои выводы сделала. Пора жениха искать, скоро шестнадцать стукнет. Пора. Стала потихоньку выведывать о женихах завидных. Девка-то на выданье. Прослышала Лушенька о маменькиных помыслах, разрыдалась. Все в один голос говорят о трудностях. А какие трудности, если Душа рядом с любимым? Все свои мысли записала

Лушенька в письмо, и послала Лёнку к Дмитрию с поручением. Отпросившись у няньки на молебен, Лёнка помчалась в обитель. Появившись снова в обители, Лёнка вызвала подозрение у монашек. Что-то ты девка зачастила к нам, может парень по душе пришелся? Негоже самой на шею вешаться. Если серьёзно, то сговор делать нужно. Еле отговорилась Лёнка, и попросила о встрече с Дмитрием. Дмитрий вышел к Лёнке, долго проговорили они. Рассказала она юноше про всё, что творилось в доме Лукерьи. Сказала, что готова, помогать влюблённым до конца, даже в ущерб полюбившейся работы. Заверив Лёнку, что будет думать, как поступить, Дмитрий удалился. Ох и сложную задачу поставила перед ним судьба! Как решить её? Без совета – никак. Промучившись всю ночь, пошёл Дмитрий к Макарию с разговором. Выслушав своего подопечного, тот заверил, что поможет влюблённым. Только с условием: Дмитрий свою судьбу будет строить далеко от Москвы, на Родине, а о карьере в Москве забудет навсегда.

Сложный выбор встал перед юношей, как в сказках русских: направо пойдёшь...

Прямо пошел – согласился!

ГЛАВА 4

План был не из лёгких. Сначала нужно было подготовить побег, потом удалить из Москвы Лёнку, чтобы запутать следы, и обезопасить её от гнева господ. А далее – сам побег. Вся подготовка заняла месяц. Из деревни пришла весточка, что родители Лёнки собрались выдать девку замуж, и ждут её домой. Поплакав навзрыд на кухне о своей горькой судьбинушке, с ближайшим обозом Лёнка уехала домой. По сговору Лукерья должна была, дать весточку о своей готовности бежать. Предполагалось, что убежав из дома, она спрячется в обители.

Рано в том году «пришла» Масленица. В Москве начались широкие гулянья, сопровождающиеся хороводами, песнями, плясками, играми. Самое главное – с обрядом славословия, кормления и сжигания самодельного чучела Зимы. С детства каждый ребёнок знал о ритуальном значении масленичных закличек и игрищ, почему нужно сжигать Масленицу, заманивать Солнце блинами, славить Весну, просить доброго урожая. Хотя и не христианские это обычаи, а языческие, церковь никогда не препятствовала этим гуляньям. Масленичная неделя была буквально переполнена праздничными делами; обрядовые и не обрядовые действия, традиционные игры и затеи, обязанности и поступки до отказа заполняли все дни. Сил, энергии, задора хватало на всё, поскольку царил атмосфера предельной раскрепощённости, всеобщей радости и веселья. Каждый день масленицы имел свое название, за каждым закреплены были определенные действия, правила поведения.

Понедельник – «встреча»

В этот день дворовые девки из соломы сделали чучело Масленицы, надели на него старую женскую одежду, насадили это чучело на шест и с пением возили на санях. Затем Масленицу поставили на снежной горе, где назавтра должно было начаться катание на санях, и до воскресного сжигания это чучело красовалось на горе. Песни, которые пели в день «встречи», очень жизнерадостны. Ничем не отличался этот день от празднования прошлых годов.

Вторник – «заигрыш»

С этого дня начались разного рода развлечения: катания на санях, народные гулянья, представления. Молодежь большими компаниями катались по городу, на тройках и на простых розвальнях. Было в почете и другое нехитрое развлечение – катание с обледенелых гор. Ледяные горки были настроены по всей Москве. В ожидании предстоящего и, чтобы не вызвать подозрений, Лукерья от Души веселилась и принимала участие во всех развлечениях.

Среда – лакомка.

Как принято среда открывала угощение во всех домах блинами и другими яствами. В семье Лукерья было заведено, накрывать столы с вкусностями, яствами, печь блины и приглашать гостей. Накрывались отдельные столы и для челяди. В этот день по Москве повсюду появились, как обычно театры, торговые палатки. В них продавались горячие сбитни (напитки из воды, меда и пряностей), калёные орехи, медовые пряники. Прямо под открытым небом, из кипящего самовара можно было выпить чаю и отведать блинов на всякий вкус.

Четверг – разгул (перелом, широкий четверг)

На этот день приходилась середина игр и веселья. Именно в четверг по всей Москве проходили и жаркие масленичные кулачные бои, кулачки, ведущие свое начало из Древней Руси. Были в них и свои строгие правила. Нельзя было, например, бить лежащего («лежащего не бьют»), вдвоем нападать на одного (двое дерутся – третий не лезь), бить ниже пояса или бить по затылку. За нарушение этих правил грозило наказание. Биться можно было «стенка на стенку» или «один на один». Это была игра, праздник, которому, естественно, соответствовала и одежда. Роскошь в одежде не поощрялась. Даже очень богатые люди рядились в простую одежду, и очень сложно было определить, к какому сословию кто относится. Именно этот обычай и должен был сыграть главную роль во время побега. На этот день и наметили побег

влюблённые. Именно во время кулачного боя должно было всё произойти. А уж пятницу и следовавшие за ней дни Масленицы Лукерья надеялась встречать в общине.

Быстро приближался день побега, и сердца влюбленных трепетали. Всё собрала Лукерья для побега: самые скромные платья, носильное бельё, обувь, и вышитые полотенца с салфетками, а так же маленький сундучок с личными любимыми вещами. Легла в сундучок и шкапулка из карельской берёзы, наполненная папенькиными и маменькиными подарками. Всю ночь, в канун побега, Лукерья не сомкнула глаз, последний раз нежилась в своей постели, а, вот, сон не шёл. Думы были скорее радостные, чем тяжкие. Не догадывалась, и представить не могла, какие сюрпризы готовит для неё жизнь.

Наступило утро этого памятного и судьбоносного дня. После сытного завтрака всё семейство с челядью направилось посмотреть кулачные бои. Лукерья была и весела, и задумчива одновременно, но подозрений в поведении ни у кого не вызвала. Ребята из дворовых принимали участие в развлечениях, девки взяли кучу одежды, чтобы сразу переодеть парней в сухую одежду, по окончании участников этой импровизированной битвы. В эту кучу одежды и положила свой узел наша беглянка. Все веселились, смеялись, кричали, радовались победам, огорчались поражениям. Весело проходила битва. Вдруг, сердце Лукерье застучало, когда она очутилась в «куче мала» в объятьях Дмитрия. Шепнув на ухо: «Пошли», направились к саням, где были вещи. Осмотревшись, убедились, что нет никакой опасности, взяли узелок, и сели в стоящие рядом розвальни. Лошадь побежала быстрой рысью, увозя беглецов от масленичных гуляний навстречу судьбе.

Гулянье продолжалось, все веселились и отсутствия Лукерьи никто не заметил. Хватились только вечером. Братья объехав всех знакомых, и не найдя сестру привезли дурную весть. Запричитала старая нянька, завыли в голос дворовые девки. Дворовые мужики кинулись на поиски в округе. Маменька зашла в комнату дочери заметила отсутствие, на обычных местах вещей, сразу всё поняла. Ни выказав никаких эмоций, зашла к мужу в кабинет, и закрыла дверь. О том, что происходило за закрытыми дверями можно только догадываться, и это осталось тайной для всех кроме супругов. Потому что челядь подбиралась не любопытной и за этим строго следила нянька. Через час вышел глава дома под руку с хозяйкой, распорядился пригласить всех в гостиную. Спокойным голосом объявил, что Лукерья отправилась в ближайший монастырь, так как решила принять постриг. Какое либо упоминание о случившемся будет незамедлительно караться, и даже имя дочери приказал не упоминать. Так решил и постановил, и – точка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.